

способности применять современные методы и технологии, учитывать особенности контингента студентов и профессиональную направленность обучения. Таким образом, повышение качества преподавания английского языка в неязыковых вузах невозможно без постоянного профессионального развития преподавателя.

Список литературы

1. Князева К.К. Трудности персонифицированного обучения иностранному языку в смешанном формате// Роль учителя иностранного языка в современном мире (Саломатовские чтения). Сборник научных статей по материалам V Всероссийской научно-практической конференции с международным участием 25–27 марта 2024 года. С. 142-147.

2. Закиева Р. Р., & Сериков В. В. (2024). Роль преподавателя в подготовке специалистов профессионального образования. Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки, (1 (102)), 245-249. doi: 10.33979/1998-2720-2024-102-1-245-249

3. Как стать успешным учителем английского языка// <https://tobiz.net/support/kak-stat-uspeshnym-uchitelem-angliyskogo-yazyka/>

4. Халилова, Л., & Тюмина, Л. (2025). Роль преподавателя во время обучения иностранному языку при помощи диалогической речи. Диалог, интеграция наук и культур в процессе научного и профессионального образования, 1(1), 390–391. извлечено от <https://inlibrary.uz/index.php/discspe/article/view/81487>

5. Кухарчук, А. В. Роль преподавателя английского языка в вузе / А. В. Кухарчук. – Текст: непосредственный // Молодой ученый. – 2025. – № 3 (554). – С. 409-411. – URL: <https://moluch.ru/archive/554/121736>.

УДК: 101.1

ИДЕИ НЕОЕВРАЗИЙСТВА КАК МИРОВОЗРЕНЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ, ФОРМИРУЮЩАЯ ГУМАНИТАРНЫЕ СМЫСЛЫ В XXI в.

Шайдулин Р.И.

аспирант кафедры аспирант кафедры теологии, философии и культурологии, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, г.Омск, Россия
e-mail: Historic_28@mail.ru

Эпоха геополитических изменений в постсоветское время послужило катализатором запроса на переосмысление собственной коллективной идентичности стран постсоветского пространства в формате понятия цивилизация. Весь ход трансформационного процесса на евразийском пространстве – это зарождение нового потока дискурсов о уникальности социокультурной модели охватывающие указанное пространство. Философы рассматривая онтологические категории евразийского пространства пытались ухватить инвариантные универсумы, то что Г. Гегель называл «иметь предмет самого себя», [1, с.853] сохраняющие себя в процессе исторического движения внутреннего содержания социокультурных моделей.

Потребность поступательного дальнейшего движения постсоветских стран разрешается лишь через интроспективный взгляд в собственный внутренний мир с целью конструирования модели собственного космоса, позволяющей сформулировать реальность жизни отражённую в социальной онтологии. Первостепенная задача получения предельного знания о своём коллективном бытии, лежит в плоскости формулирования целей преобразующих во времени настоящее в перспективное будущее. Смысл как философская категория, отсылающая человека к ожиданию блага в будущем, – это прежде всего социально-философская конструкция, создающая мировоззренческую модель. Ведь имманентно присущее экзистенциальное движение человека – это формирование картины мира, где «идея - это жизнь» [1, с.854], как определял Г. Гегель, которая выступает вектором определяющим смысл человеческого существования. Человек «оживает» в процессе реализации имманентно встроенной трансцендентности, как границы перехода от жизни, как подчёркивал Г. Гегель, замкнутой только в сферу «внешнего существования», – к жизни «соотносящейся с духом» [1, с. 855]. В процессе чего, актуализируется вопрос поиска гуманитарно-общественной модели, описывающей реальность в условиях современности.

Крушение СССР в 1991 году включило процесс критики коммунистической идеологии как социально-философского дискурса, конструирующего социокультурную модель России и стран Ближнего зарубежья. Сформировалась пустота, которая дала возможность рождению или перерождению в новый формат социально-философским дискурсам, которые подобно зеркалу пытались отобразить социетальную реальность постсоветского пространства.

Разнообразие взглядов на социокультурную идентичность в период 1990-х и начала 2000-х годов было представлено широким спектром дискурсивных течений. Крупнейшим социально-философским направлением на начало 1990-х годов как алгоритм понимания себя стал либеральный дискурс, опирающийся на опыт исторического развития стран Западной Европы.

Вместе с тем, с конца 1980-х обретают обновлённое содержание социально-философская модель неоевразийства, которая выступила как альтернатива либеральному дискурсу в формировании мировоззрения молодого поколения в XXI веке. Учения неоевразийства выступают как противоположащие мировоззрение либеральной модели.

Методологической основой неоевразийского дискурса выступает цивилизационный подход как попытка преодоления формационного подхода, берущего свои истоки из диалектического материализма как методологической платформы марксизм-ленинизма. Неоевразийцы в своей социетальной конструкции постсоветского пространства опираясь на цивилизационный подход, предлагают рассмотреть постсоветское пространство как уникальный культурный или цивилизационный феномен, образующий собственную социальную онтологию.

История формирования концепта неоевразийства включает в себя несколько этапов: классическое евразийство; неоевразийство 1960-1980-х годов; неоевразийство XXI века. Классическое евразийство ставшее фундаментом в формировании самостоятельного дискурса зародилось в процессе осмысления идеи общего исторического пути, единого семантического и смыслового поля пространства Евразии, что получило законченное социально-философское оформление в белоэмигрантских кругах в начале 1920-х годов. К первому поколению евразийцев, разработавших, социально-философское течение евразийство относятся: Н.С. Трубецкой; П.П. Сувчинский; Г.В. Флоровский; П.Н. Савицкий и другие. Отправной точкой в зарождение евразийского движения является публикации работ Н.С. Трубецкого: «Европа и человечество», «О туранском элементе и русской культуре», «Мы и другие». Базовым лейтмотивом Н.С. Трубецкого выделяется феномен взаимопроникающего процесса инкорпорации туранского элемента в формирование русского самодержавия. Опираясь на истории формирования политической конструкции средневековой Руси, философ Н.С. Трубецкой в работе «О туранском элементе в средневековой Руси», утверждал что «в одном из своих истоков произошла из татарской» [2, с. 35] что есть синтез взаимодействия туранского и славянского элемента. Географический аспект пространственной субстанциональности евразийской культуры исследовал географ П.Н. Савицкий выделивший «Евразию», как три равнины: восточно-европейская, «беломорско-кавказская», западно-сибирская и туркестанская [2, с. 100].

В целом, методологическим аппаратом классического евразийства стал пространственный фактор или географическая предопределенность, которая в интеллектуальном сообществе евразийцев первого поколения, является инструментом описания целостной картины субстанционального создающего социальную онтологию Евразии.

Авангардом второго поколения евразийцев является исследователь Л.Н. Гумилёв, поэтично называвшим себя «последним евразийцем». Сформулированная оригинальная теория этногенеза стала ключом открытия интеллектуального феномена идей евразийства с новых концептуальных позиций: через попытку демонстрации внутренних механизмов взаимодействия кочевых и оседлых народов евразийского пространства.

Одним из первых иностранных исследователей евразийства среди зарубежных исследователей был немецкий ученый Отто Босса, издавший в 1961 году монографию «Учение евразийцев» («Die Lehre der Eurasiener») [3]. Итальянская философская школа была представлена исследованием евразийства (неоевразийства) Дарио Читатти в работе изданной в 2015 году «Страсти по Евразии. История и цивилизация в творчестве Льва Гумилёва» [4].

Крупнейшим интеллектуалом современности, создавшим новый импульсивный поток для интеллектуальной эволюции неоевразийского дискурса, стал российский философ А.Г. Дугин. Множество его выступлений и публикаций с конца 1980-х годов внесли большой вклад в возрождение неоевразийской тематики.

Предметом публикаций А.Г. Дугина стали геополитические процессы на территории постсоветского пространства. Он сформулировал важность обсуждения евразийской тематики как перспективного учения социальной и политической философии для стран постсоветского

пространства, в том числе и в свете истощения потенциала коммунистической идеологии, дошедшей до состояния «дряхлости» [5, с. 14]. С другой стороны, А.Г. Дугин посредством своих работ, раскрывающих сущность социально-философской стороны евразийства, критикует дискуссионную концепцию Ф. Фукуямы о тотальной победе либеральной идеологии и «конце истории» других идеологических течений [6]. По поводу этого А.В. Иванов отметил, что данный труд Ф. Фукуямы «стал пророческим реквиемом именно по Западу с его рыночно-либеральной мифологией и претензией на мировое господство» [7, с.67].

Пережив столетний период развития, евразийство продолжило своё существование, трансформировавшись в новый концептуальный подход – неоевразийство. В связи с этим отмечается повышенный интерес к тематике евразийства среди современных российских исследователей: Р.Р. Вахитов, А.Б. Панченко, У.Н. Хазыр, Л.С. Кочарский, Т.М. Гришина, М.В. Волков, Копылов М.В., А. Г. Дружинин и многие другие.

Одновременно в странах Ближнего зарубежья (Республика Казахстан) формулируется национальный вектор на идентичность, в том числе в рамках идейного течения неоевразийства, содержащего потенциал (по мнению академика Национальной академии наук РК А.Н. Насынбаева) «одной из перспективных идей, которая могла бы определить тип культурно-исторического развития Казахстана» [8, с. 19].

Крупнейшим представителем идейной школы неоевразийства, решившим практически реализовать неоевразийский дискурс, стал казахстанский политик Н.А. Назарбаев, деятельность которого А.Г. Дугин оценил как «Евразийскую миссию», придав эпохальный оттенок деятельности Н.А. Назарбаева.

Евразийская (неоевразийская) модель интеграции постсоветских стран и, в целом, определение вектора последствий для стран Центральной Азии становятся весьма чувствительными с позиции национального суверенитета, в результате чего актуализируется вопрос реинкарнации имперской модели. Исследователь Э.К. Дуйшеев, анализируя потенциал интеграционного процесса на платформе евразийского дискурса для Кыргызстана, резонно ставит вопрос: «является ли этот проект рецидивом неоимперского мышления» [9, с. 3] или это поступательные шаги в новый обновлённый формат интеграции евразийского пространства. В целом Э.К. Дуйшеев на примере интеграции Республики Кыргызстан в Евразийский экономический союз (ЕАЭС) приходит к выводу, что формат неоевразийской модели демонстрирует модальный пример формирования многополярного мира, где евразийский проект становится перспективным для Кыргызстана.

Анализ неоевразийского дискурса демонстрирует несколько существенных отличий между классическим евразийством и неоевразийством. В данном случае можно согласиться с исследовательницей В.Г. Ждановой [10], рассматривающей неоевразийство как учение, где на первый план выдвигается меридиональная схема развития связей по принципу «Север–Юг», в отличие от классического евразийства – «Восток–Запад». Православие как связующая ментальная нить в рамках классического евразийства перестаёт играть первостепенную роль консолидации евразийского пространства. Неоевразийская модель, в свою очередь, постулирует консолидацию через диалог культур, но при этом важным фактором, образующим единый канал смысла для евразийского пространства, является русский язык.

Ключевой вопрос развития социально-философского учения евразийства – это понимание методологии движения внутреннего содержания евразийской модели. Так, в частности, классическое евразийство базировалось на позициях географического детерминизма, создавая онтологическую картину мира на платформе материализма. В свою очередь, неоевразийское учение отказывается от географического детерминизма в пользу поппулизма. По сути, неоевразийская модель инкорпорирует в свою методологию элементы идеализма, то есть каузальность дополняется телеологичностью процессов. При этом, несмотря на большой объем публикаций по евразийской тематике, наблюдается дефицит исследований, посвящённых вопросу методологии описания социальной онтологии евразийского учения.

Кратко рассмотрев историю социально-философского аспекта развития евразийской мысли, можно резюмировать, что неоевразийство как философская мысль имеет широкий горизонт подходов, но существуют фундаментальные смыслы, связывающие широкий спектр эволюционирующих дискурсов в единую целостность:

1. фундаментом неоевразийства выступает цивилизационный подход как метафизическое выражение собственной коллективной идентичности;
2. метафизическое противостояние, выраженное в антиглобализме;
3. культурная уникальность как противоположность универсализму.

4. соборность как модель коллективного восприятия действительности;
5. метафизическая связь с физическим пространством как отражение себя в природе;
6. традиция как часть модели воспроизводства цикличности времени.

В целом, оригинальный дискурс евразийства и неоевразийства как социально-философской мысли характеризует уникальность социальной онтологии Евразии, выступающей как диалектическая оппозиция либеральной идеологии. При этом неоевразийство предлагает новые смыслы для формирования гуманитарного мировоззрения поколению XXI века, которые сформированы на почве осознания цивилизационной уникальности евразийского пространства. Интеллектуальный потенциал евразийской идеи предоставляет возможность описать социально-философские процессы на территории постсоветского пространства с нового ракурса.

Список литературы

1. Гегель Г. В. Ф. Наука и логики. – М.: АСТ, 2021. – 960 с.
2. Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. Антология / сост. Л. И. Новикова. – Москва: Наука, 1993. – 345 с.
3. Boss O. Die Lehre der Eurasier. Ein Beitrag zur russischen Ideengeschichte des 20 Jahrhunderts. – Wiesbaden, 1961. – 130 s.
4. Citati D. La passione dell Eurasia. Storia e civiltà in Gumilev. Milano: Mimesis, 2015. 446 p.
5. Дугин А.Г. Четвертая политическая теория. Россия и политические идеи XXI века. – СПб.: Амфора. 2009. – 351 с.
6. Фукуяма Ф. Конец истории? // Вопросы философии. 1990. № 3. – С. 134-148.
7. Россия в средокрестии пространств и времен (опыт синтетического цивилизационного подхода): монография / А.В. Иванов, Ю.В. Попков, И.В. Фотиева [и др.]. – Барнаул: Новый формат, 2025. – 303 с.
8. Евразийство в XXI веке: проблемы и перспективы. Алматы: ИФП КН МОН РК, 2009. – 334 с.
9. Дуйшеев Э.К. Мировоззренческие основания и социальный потенциал евразийского проекта в условиях современных общественно-политических реалий [Текст]: автореферат дис. канд. фил. наук. – Барнаул: Новый формат, 2025. – 303 с.
10. Жданова Г.В. Евразийство в современных исследованиях, философские аспекты [Текст]: дис. канд. фил. наук: 09.00. 03. / Г.В. Жданова. – М., – 2002. – 145 с.

ӘОЖ: 130.2:004

ЦИФРЛЫҚ ДӘУІРДЕГІ ГУМАНИТАРЛЫҚ ҒЫЛЫМДАРДЫҢ ТРАНСФОРМАЦИЯСЫ: ЖАҢА ПАРАДИГМАЛАР МЕН ӘДІСТЕР

Шакиров С.Е.

PhD, философия кафедрасының меңгерушісі, Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті,
Астана, Қазақстан.
e-mail: Simba_004@mail.ru

Цифрлық трансформация өмірдің көптеген салаларына, соның ішінде дәстүрлі түрде мәдениетті, қоғамды және адам ойлауын зерделеуге бағытталған гуманитарлық ғылымдарға да әсер етуде. Интернеттің, үлкен деректер мен жасанды интеллекттің таралуымен гуманитарлық ғылымдар технологиялық құралдарды біріктіру және қоғамдағы рөлін қайта қарастыру қажеттілігіне тап болды. XXI ғасырдағы гуманитарлық ғылымдар цифрлық технологиялардың қарқынды дамуынан туындаған түбегейлі өзгерісті бастан кешіруде. Цифрлық технологиялар зерттеу процесінің ажырамас бөлігіне айналуға, жаңа дереккөз түрлерін тудырады және оларды талдау үшін түбегейлі жаңа әдістерді әзірлеуді талап етеді.

Бастапқыда гуманитарлық ғылымдар ғалымдары компьютерлер мен ақпараттық технологияларды тек көмекші құралдар ретінде қарастырды. Дегенмен, цифрландырылған материалдардың өсуімен және зерттеу міндеттерінің күрделенуімен бұл тәсіл заман талаптарына сай болмады.

«Цифрландыру» ұғымы біртіндеп «деректермен жұмыс істеу» түсінігімен астасып, деректер зерттеудің басты негізіне, ал дереккөз зерттеушілер үшін тәуелсіз дереккөзге айналды [1, 23-26 бб]. Бұл дереккөздерді зерттеуге деген көзқарасты түбегейлі өзгертеді: мәтіндер, көрнекі және аудиовизуалды дереккөздер енді цифрлық өңдеу мүмкіндігімен біріктірілген. Гуманитарлық